

Бзыбская Абхазія *).

Бзыбская Абхазія занимаетъ территорію, лежащую между $57^{\circ}47'$ — $58^{\circ}29'$ в. д. и $43^{\circ}31'$ — $43^{\circ}6'$ с. ш. Это горная страна, прорѣзанная посрединѣ быстрой Бзыбью (по-абхазски Бзибба) и ея притоками. Съ сѣвера она окаймлена Главнымъ хребтомъ, отъ котораго отдѣляется хребетъ Ахъ-хагъ (8977 ф.), служащій водораздѣломъ рр. Юшары и Геги, съ одной стороны, и рр. Псоу и Бешъ, съ другой; далѣе граница направляется къ морю черезъ хребетъ Ахегѣшъ, мимо массива Арабика (8729 ф.), отдѣляющаго бассейны Сандриша (Хошунсе) отъ Бзыби; южной границей служить море, отъ устья р. Бегеренсты до р. Псыртси (на Новомъ Афонѣ); съ востока хребетъ Капышистра, Чедымъ (9312), гора Гумишха (5920), хребетъ Ацвишта съ горою Абарохъ и хребетъ Акую, примыкающій къ морю. На востокъ описываемая мѣстность заполнена горной системой Арабика—Ахегѣшъ. Съ вершинъ массива, отличающагося необыкновенно крутыми склонами и сложеннаго преимущественно изъ известняковъ, никогда не исчезаютъ большія полосы снѣга, залегающаго въ многочисленныхъ трещинахъ и углубленіяхъ этого грандіознаго горнаго узла. Арабика—Ахегѣшъ очень труденъ для восхожденія,—до того круты его обнаженные блѣсоватые бока, мѣстами отвѣсно падающіе въ сторону Бзыби. По его склонамъ бродятъ стада сернь, мало безпокоимыя охотниками даже изъ абхазцевъ, извѣстныхъ по всему Западному Кавказу искусствомъ карабаться по головокружительнымъ высотамъ. Намъ передавалъ стражникъ ветеринарнаго поста, охраняющаго

*) Сообщение о Бзыбской Абхазіи было прочитано авторомъ въ годовомъ собраніи членовъ Отдѣла 14-го апрѣля 1904-го года.

переваль Шишегра и Аосаквашера, близъ горы Ахачиллара, изъ подъ которой беретъ начало рѣчка Жуэква, впадающая въ море въ Гаграхъ, что бзыбскіе абхазцы-пастухи весьма неохотно перегонають свой скотъ въ Черноморскую губернію изъ боязни потерять въ пропастяхъ много головъ; что путь верхомъ здѣсь совершенно невозможенъ. По этому пути въ 30-хъ годахъ Хаджи-Берзекъ, убухскій князь, воспитатель знаменитаго абхазскаго владѣтеля Михаила Шервашидзе, предиринялъ съ партіей убуховъ набѣгъ въ Абхазію, и близъ горы Арабика былъ застигнутъ снѣжной метелью и потерялъ нѣсколько сотъ человекъ замерзнувшими *). Сосѣдній съ Гагринскимъ хребетъ Мамдзышха, съ двумя вершинами—Большой и Малой Мамдзышхой, служитъ превосходной защитой для гагринскаго побережья отъ холодныхъ и стремительныхъ вѣтровъ, несущихся по узкому ущелью Бзыби. Этотъ хребетъ заставляетъ названную рѣчку измѣнить подъ прямымъ угломъ западное направленіе на южное. Хребетъ Мамдзышха мѣловой: его можно отнести къ ниже-мѣловымъ образованіямъ, какъ и сосѣдніе съ нимъ хребты гагринскаго побережья. Склоны его вообще отвѣсны, особенно-же круты они къ сторонѣ Бзыби. Знаменитыя ворота Бзыби—такъ называютъ входъ въ Бзыбское ущелье—образуются Мамдзышхой, съ одной стороны, и горой Ашхуарой, съ другой. Послѣдняя принадлежитъ высокому мѣловому хребту (до 8000 ф. и больше) Чипшира, склоны котораго къ сторонѣ Бзыби значительно круче, чѣмъ южные. Этотъ хребетъ защищаетъ низкія, прибрежныя части Бзыбской Абхазіи отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, стремительно несущихся по ущельямъ рѣкъ съ большимъ паденіемъ, направляющимся къ морю. Вершины Чипшира (7815 ф.), Дзышра (8642 ф.), Акугрга (8242 ф.), Ахашбѣкъ (Сеферъ-бей)—6261 ф., Гумишха (5920 ф.) превосходно защищаютъ этотъ благословенный край отъ СЗ., С., СВ. и В. вѣтровъ. Отъ этой системы горъ, тянущейся отчасти параллельно берегу моря, отчасти на юго-востокъ и относящейся къ мѣловымъ формациямъ, рѣзко отличаются прибрежныя хребты, тянущіеся отъ устья Бзыби, впадающей въ море въ пяти верстахъ отъ Ницунды, до р. Бакланки (Апеты), откуда опять начинается мѣловой хребетъ, съ вершинами Астха, близъ поселка Петропавловскаго, и съ горою Акую, дающею имя небольшому хребту, у подножія котораго раскинулся Ново-Аѳонскій монастырь. Эти прибрежныя хребты позд-

*) Русскій Архивъ, 1884 г., 304, воспом. Филиппова.

нѣйшаго образованія состоятъ исключительно изъ конгломерата и высотой не отличаются. Эти хребты прорѣзаны цѣлою сѣтью потоковъ, рѣчекъ и рѣкъ, что вполне естественно, ибо этому содѣйствовала легкая ихъ размываемость. Изъ числа значительныхъ рѣкъ, текущихъ перпендикулярно къ берегу моря, отмѣтимъ Мюсеру, Мычишъ (Черную), Хипсту (Бѣлую), Соукъ-су (Гудаутъ). Между системой высокихъ, мѣловыхъ и низкихъ, прибрежныхъ, конгломератныхъ холмовъ пролегаетъ долина, версты три въ ширину, по которой главнымъ образомъ и тѣнятся абхазскія селенія: ближе къ Гудауту долина переходитъ въ болѣе или менѣе гладкую равнину, если можно только назвать этимъ именемъ террасовидную площадь, спускающуюся отъ сел. Лыхнъ, столицы Абхазии, къ морю. По этой долинѣ, огибая встрѣчные холмики, вѣется шоссе, движеніе по которому съ прошлаго года, съ окончаніемъ большого желѣзнаго моста черезъ Бзыбъ у ея выхода изъ ущелья, особенно усилилось. Наблюдая съ этого моста строеніе долины нижняго теченія Бзыби, мы замѣтили ряды уступовъ, постепенно понижающихся къ морю: эти уступы ясно говорили, что здѣсь нѣкогда протекали воды Бзыби, постепенно склонявшейся съ запада къ югу; для наблюдателя этой быстрой рѣки—„бѣшеной Бзыби“, какъ ее зовутъ абхазцы, выносящей въ море массу осадковъ, становилась бы яснѣе наша гипотеза о томъ, что бзыбская низменность нѣкогда была морскимъ заливомъ, который былъ заполненъ выносами Бзыби, глубже и глубже прорѣзавшей себѣ русло въ известковыхъ хребтахъ. И до сихъ поръ змѣвидныя движенія устья этой рѣки не остановились: она размываетъ въ сильной степени то одинъ бокъ, то другой, то образуетъ большой островъ въ устьѣ, то смываетъ его. Въ 1835 году на правомъ берегу Бзыби было построено Константиновское укрѣпленіе, въ видѣ бастионированнаго треугольника, для двухъ орудій и для гарнизона въ 40 человекъ; расположено оно было въ 100 саженьяхъ отъ морского берега, кончавшагося обрывомъ. Весной слѣдующаго, 1836 года оно было цѣликомъ снесено разлившеюся рѣкой *). Есть также нѣкоторое основаніе предполагать, что Бзыбъ дала начало образованію большого озера, служившаго внутреннею гаванью древняго Питунта (совр. Пицунды); нынѣ эта гавань превратилась въ обширное болото и два маленькихъ озера—Инкитъ и Анышхцара—близъ древняго пицундскаго храма. Абхазцы утверждаютъ, что нѣкогда

*) Русскій Вѣстникъ, 1861, статья Торнау, стр. 41.

Бзыбъ изливалась въ море значительно ближе къ Пицундѣ. Среди бзыбскихъ абхазцевъ существуетъ, кромѣ того, увѣренность, что р. Мычишь (Черная), вытекающая изъ нѣсколькихъ пещеръ у подножія г. Чипширы, есть не что иное, какъ рукавъ той-же Бзыби, пробившейся сквозь толщу хребта.

Мы поднялись къ верховьямъ Черной и подробно осмотрѣли ея истоки близъ урочища Мазихва. Высокая, до 70 саженей, отвѣсная скала образуетъ стѣну амфитеатра, изъ-подъ которой вырывается съ шумомъ рядъ фонтанирующихъ ключей огромныхъ размѣровъ, которые, съ пѣной пробившись среди монолитовъ, упавшихъ съ высоты, затѣмъ саженяхъ въ 30 отъ пещеръ образуютъ прозрачную, многоводную и быструю Черную. Я изслѣдовалъ нѣкоторыя изъ пещеръ, наиболѣе доступныя среди зарослей самшита, сумаха (*Rhus Cotinus*); большинство представляютъ собою водовмѣстилища небольшихъ сравнительно размѣровъ, до восьми саженей въ діаметрѣ, но довольно глубокихъ, до трехъ саженей; вода въ нихъ великолѣпнаго цвѣта аквамарина. Температура воды въ 6 часовъ вечера (12-го іюля) была 8,9° Цельсія. Предположенія абхазцевъ, что Мычишь есть рукавъ Бзыби, думается, неосновательны, потому что нѣсколько сосѣднихъ рѣкъ такого-же пещернаго происхожденія. Если мы обратимся къ западу отъ устья Бзыби, то на Гагринскомъ карнизѣ найдемъ три рѣчки такого-же типа: во-первыхъ, р. Бегерепсту, служащую границей между Черноморской и Кутаисской губерніями, сосѣднюю съ ней рѣчку Аныхамцу и р. Репроа, или Подземную, въ двухъ верстахъ къ западу отъ Гагрѣ. Последняя замѣчательна тѣмъ, что имѣетъ всего девять саженей длины, ибо вытекаетъ изъ-подъ скалъ берега и, пробѣжавши пляжъ, бросается въ море. Атмосферные осадки, проникая въ толщу хребта, собираются въ пустотахъ, выщелачиваютъ себѣ доже и, наконецъ, находятъ себѣ выходъ въ одномъ изъ склоновъ. Таково, думается, происхожденіе и р. Мычиша (Черной). Съ таинственнымъ въ глазахъ аборигеновъ происхожденіемъ рѣчки связано нѣсколько легендъ: пантеистическое міросозерцаніе абхазца помѣстило близъ истоковъ рѣчки въ пещерахъ нѣсколько духовъ; дѣйствительно, влѣво отъ истоковъ на высокой скалѣ видно нѣсколько, повидимому, естественныхъ пещеръ; старикъ-абхазецъ въ сел. Блабурхвѣ, у котораго я оставался, былъ того мнѣнія, что духи и въ настоящее время не покинули пещеръ. Отъ этихъ пещеръ слѣдуетъ отличать пещерное поселеніе, состоящее изъ ряда пещеръ, выдолбленныхъ въ скалѣ, выся-

щейся надъ ключами Мычиша на высотѣ 30 сажень. Доступъ въ эти пещеры даже для абхазца невозможенъ; хотя съ помощью цѣлой системы лѣстницъ, прикрѣпленныхъ къ гвоздямъ, вбитымъ въ скалу, можно было-бы добраться до нижняго ряда пещеръ. Въ гигантской нишѣ, образуемой скалою надъ этимъ нижнимъ рядомъ, очень хорошо сохранился видъ замка, съ башней, сложенной изъ камней, повидимому, на извести, и стѣна съ четырехугольными отверстіями; въ пещерахъ ясно различаются окна и двери. Окрестные абхазцы не знаютъ ни времени постройки этой крѣпостцы-селенія, ни первыхъ ея насельниковъ; никакихъ легендъ и преданій не сохранилось объ этомъ интересномъ городкѣ. Какой-то Шерванидзе нѣсколько лѣтъ назадъ, по словамъ жителей Мазихвы, устроилъ рядъ лѣстницъ, поднялся въ эти пещеры и нашелъ въ нихъ серебряный подсвѣчникъ и нѣсколько желѣзныхъ вещей. Дѣйствительно, въ бинокль мы могли различить у входа въ нижнюю дверь нѣсколько жердей. Живописный видъ окрестностей, прохлада отъ массы истекающей изъ горы воды (9° Ц.), тѣнь отъ густыхъ и высокихъ зарослей лавровишни и самшита побудили управление Гагринской климатической станціи разработать сюда дорогу и устроить пріютъ для туристовъ, что въ скоромъ времени должно осуществиться; это тѣмъ легче осуществить, что отъ Мазихвы береговое шоссе проходитъ на разстояніи двухъ верстъ.

Изъ сел. Шлара, лежащаго на шоссе, легко пробраться къ морю по ущелью р. Мюсеры. Эта рѣка протекаетъ среди конгломератныхъ холмовъ въ ложѣ, образуемомъ грудями гладко обточенныхъ гольшей, смытыхъ дождями и рѣкой съ однообразныхъ склоновъ горъ, приподнятыхъ не такъ давно съ морского дна. Эти горы легко поддаются дѣйствию воды и вѣтра,—поэтому здѣсь мы видимъ множество осыпей, естественныхъ нишъ, грозящихъ свалиться отъ неосторожнаго удара камнемъ, оползней, причудливыхъ зубчатыхъ башенъ, рывинъ, промоинъ, доходящихъ до глубокихъ расщелинъ. Близъ моря Мюсера размыла себѣ широкое ущелье, которое въ будущемъ легко можетъ стать оживленнымъ дачнымъ мѣстомъ. Мы проѣхали въ Пицунду черезъ ущелье и перевалъ Рьябшъ. Характеръ мѣстности здѣсь тотъ-же, что и въ бассейнѣ Мюсеры: тѣ же конгломератовые хребты, тяготеющіе къ морскому берегу, тѣ же заросли граба (*Carpinus Betulus L.*), хмелеграба (*Ostrya carpinifolia Scop.*), масса каштана (*Castanea vesca*), привлекающаго сюда на зиму множество медвѣдей и дикихъ свиней, на лѣто уходящихъ въ ущелья хребта Чиншира; мы встрѣ-

тили здѣсь большія заросли лавровишни (*Laurocerasus*); на высотахъ встрѣчали букъ (*Taxus silvatica* L.), дубъ (*Quercus pedunculata*), берестъ (*Ulmus montana* Sm.), ясень (*Fraginus excelsior* L.), крупнолистую липу (*Tilia grandifolia* Ehrh.); на самомъ побережьѣ узкой полосой тянется рядъ приморскихъ сосенъ (*Pinus maritima*); нѣкоторые изъ экземпляровъ близъ устья Мюсеры и Рьябша достигаютъ значительныхъ размѣровъ, до 35 футовъ. Такимъ образомъ, южную границу распространенія *Pinus maritima*, которую до сихъ поръ доводили до Пицунды, слѣдуетъ довести до мыса близъ устья Мюсеры. Море близъ береговъ Бзыбской Абхазіи не отличается глубиною, что и служитъ причиною неоднократныхъ кораблекрушеній въ этихъ мѣстахъ. По словамъ г. Андреева, начальника морской съемки въ этомъ районѣ, съ которымъ я встрѣтился здѣсь, близъ мыса Соукъ-су, немного южнѣе устья Мычиша (Черной) существуютъ далеко выходящія въ море каменные гряды, стѣнки, попавши между которыми судно подвергается большой опасности. Здѣсь едва не погибъ поэтому пароходъ добровольнаго флота „Петербургъ“: онъ также въ туманъ очутился среди этихъ подводныхъ стѣнокъ. Близъ Гудаута на подобныхъ-же грядахъ, какъ извѣстно, производится ловля устрицъ. Намъ на пути въ Пицунду по берегу не разъ приходилось вводить лошадь въ море для обхода свалившихся съ подмытыхъ береговъ конгломератовыхъ массивовъ: это были свѣжіе обвалы; такъ въ теченіе вѣковъ море постепенно завоевывало этотъ податливый берегъ, въ противоположность каменному пригагринскому карнизу, гдѣ море ни пяди земли себѣ не можетъ отвоевать и гдѣ берега отличаются необыкновенной приглубостью. Морскія-же окрестности Пицунды этимъ качествомъ далеко не отличаются, благодаря, съ одной стороны, усиленному размыву береговъ, а съ другой, выносу необыкновеннаго количества осадковъ со стороны быстрой и многоводной Бзыби. Вѣроятно, весь низменный пицундскій мысъ и явился результатомъ взаимодѣйствія четырехъ факторовъ—дѣйствія морского прибоя, выносовъ р. Бзыби, смывовъ съ близлежащихъ конгломератовыхъ хребтовъ и разрушительнаго дѣйствія прибоя на окрестныя береговья крутизны, служившихъ къ постепенному обмелѣнію окрестностей современной Пицунды. Образовавшаяся впоследствии дюна препятствовала свободному стоку съ ближайшихъ хребтовъ, что и послужило причиною образованія вышшняго застоя воды и болотъ, благодаря которымъ климатъ Пицунды лихорадочный.

Луновидная пицундская бухта имѣетъ въ діаметрѣ четыре версты, и при небольшомъ молѣ близъ маяка можетъ служить хорошей стоянкой для судовъ небольшого размѣра. Московскій рыбопромышленникъ Игумновъ построилъ рядомъ съ зимовьемъ анатолийскихъ турокъ, прѣзжающихъ сюда на ловлю дельфиновъ, большой рыболовный заводъ. Лѣтомъ, когда мы его посѣтили, онъ бездѣйствовалъ; зато зимой здѣсь производится обильный уловъ всевозможныхъ породъ рыбы. Старый рыболовъ-монахъ Пицундской обители, семнадцать лѣтъ живущій въ монастырѣ, говорилъ мнѣ, что имъ насчитано 64 породы рыбъ, попадавшихся къ нему въ сѣти; онъ же мнѣ сообщилъ, что близъ устья р. Мюсеры онъ видѣлъ въ морѣ на камнѣ лежавшихъ двухъ животныхъ, которыя, при приближеніи его лодки, бросились въ воду и поплыли въ открытое море: они своею величиною превосходили морскихъ выдръ, и были, судя по его описанію, рѣдкими экземплярами черноморскихъ тюленей. Близъ завода Игумнова расположена небольшая дача, а далѣе небольшое русское поселеніе—полтора десятка бѣленькихъ уютныхъ домиковъ, кокетливо прятавшихся въ роскошной зелени садовъ и виноградниковъ. Это поселеніе наглядно показываетъ, что даже въ этомъ отрѣзанномъ отъ города уголкѣ возможна высокая культура; жители говорили мнѣ, что винограда и фруктовъ здѣсь неисчислимое количество; что они были бы вполне довольны, если бы ихъ поселокъ былъ соединенъ шоссированной дорогой съ главнымъ шоссе; что у нихъ самое легкое и скорое сообщеніе—моремъ, а послѣднее не всегда доступно; зимою же совершенно невозможно имъ пользоваться. Выѣхавъ изъ поселка, вы черезъ полверсты вѣзжаете въ знаменитый пицундскій сосновый боръ, давшій имя древнему Питіунту (въ переводѣ *сосновый*), откуда грузинская Бичвинта, генуэзское Pezonda и современное Пицунда. Ароматъ сосны, смѣшанный съ запахомъ моря, несущаго свои волны къ подножію дюны, сплошь усѣянной рослыми экземплярами хвой, былъ очень силенъ и рѣзко контрастировалъ съ субтропическимъ ароматомъ лѣсовъ, только что покинутыхъ нами, и напоминалъ далекій сѣверъ съ его хвойными лѣсами. До монастыря этотъ лѣсъ тянется полосой съ три четверти версты; а за монастыремъ, по направленію къ устью Бзыби занимаетъ только одну дюну; въ общемъ, вся длина сосновыхъ порослей равна пяти верстамъ. Къ сожалѣнію, за этимъ лѣсомъ мало было присмотра: изрѣдка встрѣчаются двухсотлѣтніе экземпляры; больше же не старѣе 50 лѣтъ: лѣсъ посѣщался хищниками. Не-

пріятно также насъ поразила картина потухшаго лѣснаго пожара, потушеннаго, вѣроятно, дождемъ: нѣсколько десятинъ этого единственнаго на всемъ побережьѣ сосноваго лѣса носили на себѣ слѣды огня: молодъ сгорѣла, корни старыхъ деревьевъ были обуглены. На мои вопросы въ монастырѣ, кто виновникъ пожара, кто сторожить древнее наслѣдіе эллиновъ, мнѣ отвѣчали незнаніемъ. Такъ и стоитъ никѣмъ не хранимая, безъ употребленія на пользу человѣку эта чудная роща, между тѣмъ какъ здѣсь могъ бы развиваться великолѣпный курортъ для слабогрудыхъ: песчаный мысъ безъ признака болотъ, кругомъ море, бальзамическій воздухъ сосноваго лѣса, масса солнца, чудный пляжъ и купанье. Жители пицундскаго маяка пользуются хорошимъ здоровьемъ, и, если бы не скука, жизнь здѣсь чудная; недавно, впрочемъ, маякъ соединенъ телефономъ съ Гудаутомъ, что значительно скрашиваетъ жизнь обитателей маяка. Скучна и однообразна также жизнь монаховъ Пицундской обители, считающейся скитомъ Ново-Аѳонскаго монастыря; здѣсь живетъ до 50 монаховъ и послушниковъ; монахи развели садъ въ древней крѣпости, двѣ длинныхъ кипарисовыхъ аллей, поддерживаютъ извѣстный великолѣпный храмъ, засѣвають пшеницей площади древняго города. Знаменитый Дюбуа, посѣтившій въ 1833 году монастырь, утверждаетъ, что ясно можно было различить городскую стѣну, расположеніе улицъ и площадей; что на стѣнахъ домовъ были замѣтны турецкія, арабскія, греческія и латинскія надписи съ датами XV и XVI вѣковъ *). Ничего этого въ настоящее время уже нѣтъ. На разстояніи восьми верстъ путешественникъ встрѣчаетъ тамъ и сямъ въ гущѣ деревьевъ и ежевики развалины, но стѣны городской нигдѣ не замѣтны; близъ храма, обнесеннаго каменной стѣной, можно видѣть городскую цитадель четырехугольной формы, съ остатками башенъ; кое-гдѣ встрѣчаются развалины церквей; на полѣ, оставленномъ подъ паръ, мы встрѣчали на каждомъ шагѣ обломки глиняныхъ кувшиновъ, кирпичей: не было сомнѣнія, что мы ходили по нѣкогда тѣсно застроенному пространству. Пицунда, мало посѣщаемая археологами (Дюбуа, Брунъ, графиня Уварова), которые свое вниманіе сосредоточивали, главнымъ образомъ, на древнемъ кафедральномъ храмѣ, не изслѣдована до сего времени въ археологическомъ отношеніи; а между тѣмъ плугъ, соха и невѣжественные монахи сотрутъ съ лица земли послѣдніе остатки „Великаго Пи-

*) Voyage autour du Caucase, I, 242.

гунта“, какъ его называетъ Страбонъ, со стѣной въ 60 стадій и съ обширной внутренней гаванью. Если существовала послѣдняя, то слѣды канала, соединявшаго ее съ моремъ, слѣдуетъ искать на огѣ отъ западной башни монастырской стѣны: до сихъ поръ видна ровная линія низины, до сихъ поръ во время дождей, по словамъ монаховъ, эта низина заливается водой.

Пицунда сообщается съ шоссе только посредствомъ дороги за Калдахвару и Шлару. Этою дорогою въ 1877 г. маіоръ Мухортовъ съ двумя ротами былъ посланъ полк. Шелковниковымъ отбить турокъ абхазскія семейства, насильно увозимыя въ Турцію. Когда Мухортовъ со своими ротами сталъ подходить къ Пицундѣ, большой броненосецъ, стоявшій подъ парами, открылъ огонь гранатами; опушка лѣска, окружавшаго храмъ, была занята регулярной гѣхотой, встрѣтившей отрядъ сильнымъ огнемъ изъ малокалиберныхъ ружей; обстрѣлявъ опушку, роты выбили турокъ изъ кустовъ и оттѣснили ихъ къ берегу; броненосецъ, опасаясь бить своихъ, прекратилъ огонь, но, когда турецкіе стрѣлки сѣли въ лодки, чтобы перебраться на стоявшіе на рейдѣ пароходы, онъ сталъ засыпать берегъ картечью. У непріятеля было отнято около ста абхазскихъ семействъ. Въ тотъ же день роты вернулись въ Калдахвару къ Шелковникову. Густые лѣса дуба, бука, граба и каштана, покрывающіе кое-гдѣ еще и теперь склоны хребтовъ, отдѣляющихъ Калдахвару отъ Пицунды, нынѣ безжалостно вырубаются на дрова; послѣдніа частью гужомъ, частью въ вагонеткахъ по рельсамъ направляются къ морю. Однако, характеръ первобытныхъ гѣсовъ до сихъ поръ сохранился въ мѣстностяхъ, близкихъ къ морю; чѣмъ ближе мы были къ населенной долинѣ, по которой проложено береговое шоссе, тѣмъ лѣса были рѣже и моложе. У абхазцевъ есть дурное обыкновение обрубать у молодежи вѣтви на кормъ скоту,—поэтому намъ приходилось встрѣчать цѣлыя десятины невысокихъ столбиковъ, пускавшихъ молодые побѣги; такіа же обезглавленные молодые деревья мы встрѣчали и въ казенныхъ лѣсахъ выше уроч. Рьябшъ. Изрѣдка встрѣчались оазисами участки священныхъ дубовъ и грандіозныя липы (*Tilia grandifolia*); послѣднія встрѣчаются на вершинахъ хребтовъ на полянкахъ и лужатъ, по словамъ шларцевъ, межевыми знаками; думается, это остатки древнихъ ауловъ.

По пути къ Рьябшу нашъ проводникъ рассказалъ слѣдующую легенду, приуроченную къ долинѣ рѣчки Рьябшъ. Тамъ, гдѣ теперь глубокая долинка, окруженная со всѣхъ сторонъ горами,

былъ ауль. Онъ провалился, и изъ его обитателей сохранилась одна семья, потомки которой живутъ и сейчасъ въ Чинаргартѣ. Въ этотъ ауль повадился ходить морской духъ и ежегодно бралъ себѣ дань дѣвушками, которыхъ уносилъ въ море. Наступила очередь Мурзакану отдавать свою дочь. Снарядилъ онъ свою красавицу дочь; осѣдлалъ своего осла, нагрузилъ его множествомъ стрѣлъ, взялъ лукъ и отправился къ устью Рьябша. Пришли они къ морю. Видятъ: съ моря идетъ на нихъ бѣлое, какъ молоко, облако. Мурзаканъ принялся брать одну стрѣлу за другою и пускать въ это облако; черезъ нѣсколько времени онъ видитъ, что облако порозовѣло; Мурзаканъ принялся еще усерднѣе стрѣлять,—облако покраснѣло, наконецъ побагровѣло, и тогда раздался оттуда голосъ: „Мурзаканъ! пощади меня!“ Но Мурзаканъ еще усерднѣе сталъ стрѣлять, и облако кровавыми каплями пало на берегъ. Тогда взялъ Мурзаканъ свою дочь, осла и вернулся домой; аула его уже не было: пока онъ былъ въ отсутствіи, ауль провалился. Тогда Мурзаканъ переселился въ Чинаргартъ, гдѣ и теперь проживаютъ его потомки. Тотъ же проводникъ сообщилъ мнѣ другую легенду о дубахъ—мужѣ и женѣ. Первый находится на священной горѣ Дидь-ришъ, а вторая близъ Пицунды, около деревни Лдзаа. Супруговъ соединяетъ по временамъ молнія, перебрасывающаяся съ одного на другой. Разстояніе между дубами по прямой линіи 24 версты.

II.

У переправы черезъ Бзыбъ расположено на обоихъ берегахъ рѣки большое селеніе Калдахвара, съ церковью, лавками и духаномъ. Абхазскія селенія поражаютъ своею величиной: домъ отъ дома иногда расположенъ на версту и болѣе. Въ густыхъ лѣсахъ близъ селеній Лихны, Звандришъ обитатели по нѣсколько мѣсяцевъ не видятъ своихъ сосѣдей, но ежедневно въ курѣ всѣхъ мѣстныхъ новостей, ибо обладаютъ необыкновеннымъ умѣньемъ фальдетомъ переговариваться за версту. Умѣнье перекликаться, съ дѣтства развиваемое у абхазца, сохраняется до глубокой старости: намъ приходилось видѣть сѣдыхъ стариковъ, съ юношеской силой звонко перекликавшихся съ сосѣдами. Близъ Калдахвары у самаго узкаго мѣста рѣки, гдѣ раньше существовала переправа, а нынѣ построена великолѣпная желѣзная мостъ, напоминающій своею массивностью и видомъ желѣзнодорожный, на скалѣ высятся развалины крѣпости. Крѣпость эта неправильной формы, ибо стро-

итель при постройкѣ стѣнъ слѣдовалъ за естественными изгибами скалы, на которой она утверждена. Внутри крѣпости хорошо сохранились стѣны церкви, облицованныя гладко отшлифованнымъ песчаникомъ. На противоположномъ берегу рѣки мы нашли развалины сторожевой башни. Вообще намъ приходилось встрѣчать въ своихъ скитаньяхъ по Бзыбской Абхазіи множество не зарегистрированныхъ развалинъ: такъ, на примѣръ, мы встрѣтили близъ рыболовнаго поселка церковь, другую близъ озера Инкитъ; существуютъ развалины церкви близъ Мюсеры, въ Калдахварѣ, близъ дер. Алахадзы и въ другихъ мѣстахъ.

Селеніе Шлара расположено въ очень пересѣченной мѣстности. Среди селенія, если только можно отыскать въ абхазскомъ селеніи средину, на полянкѣ, обнесенной плетнемъ и канавой, на полугорьѣ дощатый сарай, крытый дранью; на крышѣ криво торчалъ желѣзный крестъ; сарай былъ окруженъ балкономъ подъ крышей: это была церковь. Близъ нея на лужайкѣ, чистой, какъ газонъ для крокета, стоялъ домикъ священника, съ крытой галереей, сплошь увитой побѣгами одной лозы; тутъ-же за кукурузнымъ полемъ, въ гущицѣ кукурузныхъ стеблей, перевитыхъ побѣгами фасоли, скрывалось жилище причетника. Церковь выстроена лѣтъ 50 тому назадъ изъ великолѣпнаго каштана. Священникъ просилъ обратить вниманіе на широчайшія доски, изъ которыхъ состояли стѣны церкви: онѣ носили слѣды топора. По словамъ священника, каждая изъ нихъ была высѣчена изъ ствола стараго каштана съ помощью топора. Дѣйствительно, абхазцы долго не умѣли распиливать бревна на доски: еще въ 30-хъ годахъ ген. Пацовскій, заложившій укрѣпленіе Бомборы, близъ Гудаута, Пицунду и Гагры и устроившій на Мычицѣ (Черной) дѣсопильную мельницу, съ успѣхомъ приручалъ къ себѣ абхазцевъ, кромѣ необыкновенной суровости по отношенію къ нимъ, промѣномъ досокъ на продукты потребленія.

Шларская церковь посѣщается въ годъ не болѣе, какъ 100 абхазами обоюго пола, по словамъ священника; болѣею-же частью прихожанами бываютъ мингрельцы. Неохотно также посѣщается и школа. Въ Шларѣ мы замѣтили много виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ. Вообще, въ Шларѣ рѣдкій абхазецъ не выдѣлываетъ ста ведеръ вина; многіе имѣютъ до 300, изъ коихъ двѣ трети идетъ въ продажу, въ Гудаутъ. Урожаи винограда и кукурузы здѣсь очень обильны, и эта мѣстность въ будущемъ, при интенсивной культурѣ, можетъ служить житницей побережья.

III.

Посѣтивъ селенія Бармишъ, Цапца, Чабалурхва, Мгузырхва, Звандрипшъ, которыя такъ же разбросаны, какъ и Шлара, мы прожили два дня въ столицѣ Абхазіи—селеніи Лихны (Лыхны, какъ его зовутъ русскіе); турки называютъ его Соукъ-су. Это селеніе издавна было главной резиденціей владѣтельнаго абхазскаго князя изъ рода Шервашидзе. Иногда, сообразно обстоятельствамъ, князь мѣнялъ свою резиденцію, но за Лихнами оставалось всегда право первенства. Панорама, открывающаяся изъ Лихнъ, вполне ясно опредѣляетъ, почему Шервашидзе избрали себѣ резиденціей этотъ пунктъ. Отсюда видна вся сѣверо-западная Абхазія. Обширное плоскогорье, террасами спускающееся къ морю, покрыто полянами, на которыхъ разбросаны большія вѣковыя круглыя орѣховыя деревья; налѣво синѣютъ хребты ново-аѳонскіе, позади подымается къ небу высокой синею стѣной хребетъ Чипшира; ближе священная гора Дидь-рипшъ. Широкая дорога, по которой мы ѣхали, была шоссирована самими лихнинцами и доведена до Гудаута; ее окаймляли плетни, исчезавшіе подъ густыми и высокими зарослями ежевики и лианъ. Большія орѣховыя и каштановыя деревья виднѣлись изъ зарослей.—„Лихны!“ сказалъ намъ проводникъ, указывая пальцемъ на лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ изгородь прервалась, и мы увидѣли небольшія изъ жердей ворота и въ глубинѣ чистаго, какъ зеленая бархатная скатерть, двора абхазскую саклю, крытую дранью; невдалекѣ на высокихъ столбахъ стояла плетеная изъ орѣшника сушильня-амбаръ для кукурузы, крытая папоротникомъ. На лай собакъ въ дверяхъ показалась абхазка, одѣтая въ черное коленкоровое платье, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ. Проводникъ визгливо ей что-то крикнулъ, и черезъ минуту она принесла въ мѣдномъ кувшинѣ съ длиннымъ горлышкомъ холодной воды, которою и славятся Лихны (*Соукъ-су* по-турецки *холодная вода*). Ворота стали попадаться чаще, саженой на ста другъ отъ друга, и мы тогда только убѣдились, что слишкомъ полчаса идемъ по единственной улицѣ самаго большого аула въ Абхазіи, протянувшася верстъ на пять и состоящаго изъ 800 дворовъ (во всемъ Гудаутскомъ участкѣ, который и обнимаетъ собою всю Бзыбскую Абхазію, считается 16 тысячъ абхазцевъ обоого пола). Мы отдохнули подъ роскошнымъ каштаномъ, который могъ-бы служить великолѣпнымъ украшеніемъ любого парка; кора его была покрыта, какъ ковромъ, крупными листьями понтійскаго плюща; невдалекѣ сто-

яла семья гигантскихъ орѣховъ, съ которыхъ спускались виноградныя лозы въ руку толщиною; на нихъ мой спутникъ качался, какъ на качеляхъ, затѣмъ по нимъ-же, какъ по веревочной лѣстницѣ, взобрался на вершину дерева, откуда сбросилъ нѣсколько уже зрѣлыхъ орѣховъ. Хозяинъ дома любезно принесъ намъ ароматичнаго и крѣпкаго розоваго вина сорта „амлаху“ и мамалыги, обильно приправленной ароматичными травами и краснымъ перцемъ; тутъ-же на кругломъ низкомъ столикѣ лежало два кружка знаменитаго абхазскаго слоистаго сыра. Послѣдній по вкусу значительно превосходить мингрельскій и имеретинскій: это небольшія, въ четверть въ діаметрѣ, крѣпкія лепешки, слоистаго строенія, сильно приправленныя солью. Большого куска дымящейся мамалыги и крошечнаго кусочка сыра абхазцу достаточно, чтобы сытно пообѣдать. Потребности его сведены къ самымъ необходимымъ. Сакля его изъ едва отесанныхъ бревенъ или просто изъ орѣшника, безъ обмазки (абхазецъ, ночуя у себя въ саклѣ, стѣну, подверженную току воздуха, завѣшиваетъ буркой и мирно засыпаетъ). Кукурузу свою онъ сѣетъ, едва поковырявъ землю на два вершка своею первобытною сохою; подобѣтъ кукурузу среди лѣта съ помощью сосѣдей и затѣмъ предоставляет волѣ природы; осенью собираетъ плоды ея трудомъ: снимаетъ кукурузу, виноградъ съ лозъ, которыя у каждаго орѣха насадилъ его дѣдъ или прадѣдъ, и снимаетъ очень много, собираетъ очень много орѣховъ и каштановъ, хурму, крупную айву, великолѣпныя яблоки и груши. Абхазскія яблоки и груши своими размѣрами, вкусомъ и окраской, по нашему мнѣнію, опровергаютъ то ходячее мнѣніе, что культура этихъ плодовъ на побережьѣ не даетъ хорошихъ результатовъ. Видѣнные мною экземпляры, правда, принадлежали садамъ, расположеннымъ на склонахъ Дидъ-рипша. Особенныхъ размѣровъ въ Бзыбской Абхазіи достигаютъ персики и граваты. Эта мѣстность въ будущемъ превратится въ настоящее ботаническое Эльдorado, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующая ботаническая картина, наблюдавшаяся мною во дворѣ маленькой женской школки въ Гудаутѣ. На дворѣ была бесѣдка изъ винограда, крупные гроздья котораго красиво свѣшивались между ярко-зелеными вырѣзными листьями; за заборчикомъ росъ лѣсъ гигантской, въ три сажени, кукурузы; тутъ-же горѣли пурпуромъ плоды гранатаго дерева и раскрывали восковыя чашки роскошныя бѣлыя цвѣты магноліи, распространяя сладкій ароматъ, напоминающій смѣсь запаха лимона съ ванилью; здѣсь-же рядомъ стоялъ рослый экземпляръ лимоннаго

дерева съ еще зелеными плодами; множество лианъ, цѣпко хвата-
ясь за вѣтви каштановъ, орѣховъ и эвкалиптовъ, подымались къ
вершинамъ деревьевъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда спуститься, гра-
ціозно качаясь при легкомъ дуновеніи вѣтерка съ моря. Трени-
ческій характеръ ландшафта подчеркивался тремя сильными
экземплярами пальмы-хамеронсъ, протягивавшей вверхъ вѣровид-
ные листья. Будущее этой страны всецѣло находится въ рукахъ
спеціальной школы и желѣзной дороги. Спеціальная школа разо-
вѣтъ среди абхазцевъ правильные взгляды на агрикультуру,
винодѣліе, плодоводство и цвѣтоводство, создастъ различныя про-
изводства по консервированію и утилизаціи плодовъ, а желѣзная
дорога облегчитъ сношенія предпринимателей съ внутренними
рынками.

Пройдя еще съ версту по единственной въ своемъ родѣ лѣс-
ной улицѣ и поднявшись на небольшую водораздѣльную граду
мы увидѣли обширныя лоцины и возвышенія сѣверо-западной
Абхазіи, бухты и мысы, а справа и сзади стѣну горъ; по сине-зе-
ленымъ склонамъ кое-гдѣ курились дымки: это были селенія
Ачандара, Архо, Дурипшъ, Хуапъ; въ бинокль можно было видѣть
на горѣ Дзышра (8642 ф.) пихтовые рощи. На обширной полянѣ,
занимавшей вершину хребта, стояли четыре знаменитыя липы,
подъ которыми князя Шервашидзе по древнему обычаю чинили
судъ и расправу; направо бѣлѣли руины двухъ-этажнаго дворца
князя. Прямо, за сѣрой древней каменной оградой высится кафе-
дральный соборъ, построенный не позже XI вѣка. Въ немъ и по
настоящее время совершается богослуженіе. Стѣны его покрыты
довольно хорошо сохранившимися фресками. На одной изъ нихъ
найдена надпись, относящаяся къ 1066 г., къ эпохѣ абхазо-кар-
талинскаго царя Баграта IV, извѣстнаго строителя многихъ замѣ-
чательныхъ церквей въ Абхазіи и сосѣднихъ съ нею областяхъ;
кромѣ того, надпись сохранила память объ одномъ интересномъ
событіи, именно о появленіи въ 1066 г. кометы, которая, какъ го-
воритъ надпись, показывалась „съ вербойной недѣли до полнолунія“.
Дѣйствительно, въ 1066 г. была комета. Подъ величественными
сводами древней святыни лежитъ прахъ Сеферъ-бея Шервашидзе,
какъ о томъ гласитъ надпись на греческомъ языкѣ на надгробной
плитѣ посреди церкви. Сначала вѣрный слуга турокъ, Сеферъ-бей
подчинился Россіи, принялъ христіанство и умеръ въ 1821 году.
Сынъ его Михаилъ былъ послѣднимъ владѣтельнымъ абхазскимъ
княземъ.

Въ Лихнахъ-же произошло извѣстное убійство полковника Коньяра. До половины шестидесятыхъ годовъ въ Абхазіи существовало три главныхъ сословія—дворяне, свободные землепашцы и рабы. Земля принадлежала тому, кто ее расчистилъ отъ могучей въ этомъ влажномъ климатѣ растительности. Освобожденные въ концѣ 50-хъ годовъ отъ деспотической руки послѣдняго абхазскаго кн. Михаила Шервашидзе, отправленнаго на житье въ Воронежъ, а въ срединѣ 60-хъ годовъ отъ крѣпостной зависимости, абхазцы, возбуждаемые дворянами, недовольными правительствомъ, ограничившимъ ихъ права на земельныя угодья, возмутились, собравшись въ большомъ количествѣ, до 3000 человекъ, въ Лихнахъ; пріѣхавшій ихъ успокаивать полк. Коньяръ былъ убитъ, а съ нимъ одинъ офицеръ и 30 казаковъ; послѣ убійства абхазцы бросились къ Сухуму, но были отбиты; впоследствии, наказанные кн. Святополкъ-Мирскимъ, они выдали убійцъ Коньяра. Часть казаковъ спаслась, скрывшись на крѣпкихъ хорахъ храма, откуда отстрѣливалась отъ многочисленной толпы абхазцевъ, выбившихъ ворота и двери и ворвавшихся внутрь храма.

Вторую экскурсію мы предприняли изъ Гудаута къ устью р. Бѣлой (Хипеты), получившей свое имя отъ массы известковыхъ валуновъ, свесенныхъ рѣчкой съ верховьевъ. Въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается отъ Мычиша (Черной), берега котораго въ большей своей части лишены мѣловыхъ, известковыхъ каменистыхъ отложеній: эта разница легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Черная, вытекакая непосредственно изъ пещеръ, несетъ свои воды по сравнительно слабому уклону и пролегаетъ въ конгломератныхъ хребтахъ; Бѣлая-же начинается высоко, у подножья известковой горы Дзышра, и, протекая по узкому ложу среди известковыхъ хребтовъ, смываетъ массу валуновъ. Берега Бѣлой пологи; при устьѣ рѣчка образуетъ небольшую заводь передъ дюной и направляетъ свое русло вкось, изливаясь въ море небольшимъ потокомъ. Все побережье отъ Бѣлой до Соукъ-су покрыто зарослями и лѣсомъ, состоящимъ изъ дуба (по высотамъ), бука (*Fagus silvatica*), граба (*Carpinus Betulus*), котораго много ближе къ берегу; встрѣчается въ небольшомъ количествѣ самшитъ; лавръ (*Laurus nobilis*) здѣсь встрѣчается очень рѣдко; по берегу-же масса барбариса (*Berberis vulgaris*); конечно, по холмамъ кусты неизбѣжной ежевики (*Rubus*); часто встрѣчается кизиль (*Cornus Mas L.*), много дикихъ грушъ и яблонь. Смилакса (*Smilax exselva*) здѣсь значительно меньше, чѣмъ на бзыбской низменности, зато чаще встрѣ-

чается каприфоль (*Lonicera Caprifolium*), колхидскій плющъ (*Hedera colchica*); папоротника (*Pteris aquilina*) немного: здѣсь онъ встрѣчается островами; ясеней и каштановъ наблюдалось немного.

Близъ бывшаго укрѣпленія Бомборы, нынѣ обращеннаго въ хуторъ какого-то частнаго лица, расположились въ два ряда хижины новоселовъ-бомборцевъ. Пока дѣла ихъ идутъ вяло; они жалуются на лихорадку, на матеріальную необезпеченность, на глинистую почву, на безлошадность; однако, опросы ихъ сосѣдей, основавшихъ на высотѣ близъ р. Бѣлой поселокъ Высокое, доказываютъ, что при достаточной степени энергіи всѣ эти препятствія легко побѣждаются. Высоковцы, едва поселившись, засѣяли пшеницей свои земли и собрали урожай, которымъ остались довольны. Изъ русскихъ поселанъ, основавшихся въ Бзыбской Абхазіи, больше всего страдаютъ отъ лихорадки жители Баклановки, поселившіеся на р. Апстѣ (Бакланка) между Гудаутомъ и Новымъ Аюномъ. „Раньше“, говорили мнѣ баклановцы, „наши дѣти почти поголовно вымирали; теперь, слава Богу, легче стали переносить лихорадку“. Мѣстные табаководы—турецкіе армяне и греки, сидящіе близъ поселка Петропавловскаго, въ пяти верстахъ отъ Новаго Аюна, построились на крутизнахъ, куда провели зигзагами дорогу, и не жалуются на малярію, потому что пользуются родниковой водой. Главный торговый и административный пунктъ Бзыбской Абхазіи Гудаутъ—небольшой городокъ, красиво расположенный на высотѣ при устьѣ рѣчки Соукъ-су, съ правильными улицами, бульваромъ, церковью, школой для сельскихъ учителей. Торговля Гудаута находится въ рукахъ, главнымъ образомъ, мингрельцевъ, которые на мѣстѣ скупаютъ у абхазцевъ вино, кукурузу, орѣхи, медь, скоть, сыръ, кожи, лошадей, пальмовое дерево и перепродаютъ это въ Россію или за границу. Безъ мингрельцевъ и безъ турокъ, торгующихъ въ мелочныхъ лавочкахъ по селеніямъ, абхазцамъ не прожить: абхазцы не любятъ удаляться отъ родного очага, а быть кущомъ у нихъ считается предосудительнымъ, какъ и у карачаевцевъ и у нѣкоторыхъ другихъ племенъ.

IV.

По даннымъ лингвистическихъ изслѣдованій, пока еще далеко не законченныхъ, абхазцевъ отнюдь не слѣдуетъ относить къ картвельской группѣ кавказскихъ племенъ, и, если ихъ нужно причислить къ какой-нибудь группѣ, то только къ западно-горскимъ племенамъ (адигейскимъ).

Абхазцы не всегда обитали тамъ, гдѣ теперь живутъ: и преданія ихъ, и многія историческія данныя, и обычаи ихъ указываютъ, что они пришли съ сѣвера и потѣснили картвельскія племена, пока не остановились у Ингура, гдѣ и произошло начало смѣшенія между двумя чуждыми по происхожденію племенами—мингрельскимъ и абхазскимъ, давшаго смѣшанное племя самурзаканцевъ, сидящихъ отъ Ингура почти до Кодора. Вопросъ о Самурзакани еще ждетъ изслѣдователя. Самурзакань долго была предметомъ раздора между абхазскими и мингрельскими князьями. Вообще, раздоры въ Абхазіи издревле процвѣтали: спорили князья, спорили дворяне (амиста), спорили вольные люди (анхае); главнымъ образомъ, споры были на почвѣ экономической и родовой мести.

Кромѣ перечисленныхъ сословій были еще слѣдующія: ах-уйю—зависимые, нѣчто вродѣ нашихъ крѣпостныхъ, и ахашаль (рабы); послѣдніе были изъ плѣнныхъ, или купленныхъ въ Турціи, или незаконнорожденныхъ отъ ахашалокъ. Впослѣдствіи, когда княжеская власть сосредоточилась въ рукахъ рода Шервашидзе *), образовалось сословіе „шинагмъ“, нѣчто вродѣ тѣлохранителей владѣтельнаго князя. Въ это сословіе попадали изъ сословія „анхае“ особенно заслужившіе расположеніе князя; „шинагмъ“ можно приурочить къ личнымъ дворянамъ.

По древнему абхазскому обычаю, всѣ сословія, кромѣ „ахашаль“, имѣли право на владѣніе земельной собственностью: кто расчищалъ извѣстный участокъ отъ лѣса для посѣва, сада или усадьбы, того онъ и дѣлался потомственной собственностью. Этотъ обычай, повидимому, обуславливался климатическими особенностями страны: масса атмосферныхъ осадковъ въ связи съ сильнымъ нагрѣвомъ воздуха и почвы вызываетъ къ жизни могучую растительность; присутствіе ежевики (*Rubus*), каприфоли (*Lonicera Caprifoliium*), различныхъ видовъ лианъ (*Smilax excelsa*, *Periploca graeca*), плющей, способствующихъ затѣненности земли,—все это служитъ благоприятной почвой для развитія малярійнаго пласмодія: такимъ образомъ, въ интересахъ оздоровленія мѣстности самое широкое обнаженіе и культура почвы, что и вызвало указанный обычай.

Земли заросшія считались общенароднымъ достояніемъ и только впослѣдствіи, при русскомъ владычествѣ, Шервашидзе при-

*) По абхазскому преданію, родъ Шервашидзе (Шіарасія по-абхазски) происходитъ изъ Шираза. Шервашидзе они стали называться, будто бы, въ эпоху существованія Абхазо-Имеретинскаго царства.

своили себѣ право продавать въ свою пользу изъ нѣкоторыхъ участковъ близъ Лихнѣ, Очемчирѣ самшитъ (*Buxus sempervirens*).

Свободные люди (анхае) жили, гдѣ хотѣли, и разрабатывали тѣ участки, какіе хотѣли, и состояли въ нѣкоторой зависимости, за оказываемое покровительство, у тавадовъ или „амиста“; такимъ образомъ „анхае“, поселившійся въ данномъ селеніи, получалъ покровительство того тавада, который считался главою селенія. За это покровительство „анхае“ отбывалъ небольшія повинности: въ теченіе года онъ нѣсколько дней посвящалъ на обработку земли патрона, подбивку кукурузы, культуру огородныхъ овощей; приносилъ одну-двѣ корзины винограда изъ своего сада, а въ праздникъ барана. „Анхае“, недовольный своимъ патрономъ, имѣлъ право свободного перехода въ другое селеніе, къ другому покровителю.

Сословіе „ах-уйю“ образовывалось изъ тѣхъ „ахашаловъ“, которые женились: до женитьбы „ахашаль“ составлялъ полную собственность господина; если же послѣдній разрѣшалъ ему жениться, то „ахашаль“ превращался въ „ах-уйю“ и получалъ право пріобрѣтать землю путемъ расчистки. Однако, „ахашаль“ обязанъ былъ барщиною отъ трехъ до пяти дней въ недѣлю; жена его считалась домашнею прислугою; поэтому „ах-уйю“ селились обыкновенно вблизи усадьбы патрона. Условія землевладѣнія и условія патроната создали тотъ характеръ разбросанности абхазскихъ селеній, который можно назвать хуторскимъ; это же обстоятельство не способствовало образованію въ Абхазіи торныхъ, колесныхъ дорогъ: каждый пролагалъ нужную ему тропинку въ чащѣ лѣсовъ и для перевозки пользовался вьюками.

Пользованіе лѣсами, какъ сказано выше, было общимъ, и, когда впоследствии нѣкоторые изъ тавадовъ и «амиста» вздумали было продавать цѣнные породы лѣса, то «анхае» не позволили, и только одинъ изъ родни владѣтельнаго князя тавадъ Димитрій Шервашидзе, жившій въ Келасури, близъ Сухума, добился права полученія въ свою пользу пошлннѣ съ вывозимаго изъ Келасури самшита. Если нѣкоторые тавады и амиста брали съ торговцевъ самшитомъ въ своихъ селеніяхъ, то только за покровительство противъ разбойниковъ и воровъ.

Послѣдній владѣтельный князь Михаилъ Шервашидзе мало-помалу присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, вопреки обычному праву, знаменитый гензе-идерскій лѣсъ на берегу моря близъ Очемчирѣ. Сначала онъ заручился правомъ только охоты въ этомъ лѣсу, за-

тѣмъ, подъ видомъ охраны лѣса отъ браконьеровъ, поселилъ нѣсколькихъ изъ своихъ «анхас», а затѣмъ объявилъ лѣсъ своею собственностью и сталъ продавать изъ него дубы на срубъ для выдѣлки изъ нихъ клепокъ; этотъ лѣсъ давалъ великолѣпный строевой материалъ. Наслѣдники Михаила уже объявили этотъ лѣсъ своею полною собственностью, и къ заслугамъ сухумской сословно-поземельной комиссiи относится доказанное ею нарушение этими наслѣдниками одного изъ коренныхъ обычныхъ правъ страны, и гензе-ицерскій лѣсъ въ 1871 г. *) былъ причисленъ къ общиннымъ владѣнiямъ. Въ 1873 г. кн. Барятинскій, бывшій главнокомандующій, ходатайствовалъ въ Петербургѣ передъ Государемъ о возвращенiи этого лѣса Шервашидзе. По полученiи Высочайшаго повелѣнiя объ этомъ Главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, по докладу начальника горскаго управленiя генерала Франкени о серьезномъ нарушенiи этимъ отводомъ Высочайше утвержденнаго обычнаго абхазскаго права, по представленiи всеподданнѣйшаго доклада, предписалъ сухумской комиссiи привести Высочайшее повелѣнiе въ исполненiе, но съ тѣмъ, чтобы были сохранены интересы водворившагося въ этомъ лѣсу абхазскаго населенiя,— поэтому, изъ территорiи въ 6000 десятинъ, на которую претендовали князя Шервашидзе, имъ было выдѣлено только 2000 десятинъ. Вообще, дворянство неоднократно пыталось экспроприровать находившiяся въ общенародномъ владѣнiи земли и лѣса, и между «анхас» и дворянами отношенiя иногда обострялись. Работы сухумской сословно-поземельной комиссiи ввели извѣстный порядокъ въ землевладѣнiи; хотя амиста не всегда были довольны своими надѣлами, зато зависимыя сословія были удовлетворены, по крайней мѣрѣ, временно.

А. Н. Дьячновъ-Тарасовъ.

Содержаніе № 1 - го.

1. Верховья Большой Лабы и переваль Цагеркеръ. Н. Я. Динкина. Стр. 1.
2. Селеніе Мереджой-Беремъ и его соляные источники. М. А. Иванова. Стр. 33.
3. Древнѣйшія извѣстія о Батумѣ. И. И. Кальфоглу. Стр. 39.
4. Свадьба въ Имеретіи. Е. Цагарейшвили. Стр. 46.
5. Бзыбская Абхазія. А. Н. Дьячнова-Тарасова. Стр. 49.

*) Воспоминанiя члена сухумской сословно-поземельной комиссiи Н. Д.-Т., сообщенныя автору.